ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО А.И. КУПРИНА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ XX-XXI ВВ.

Материалы Всероссийской
научно-практической конференции,
посвященной А.И. Куприну

Пенза 2013

Управление культуры и архива Пензенской области

ГБУК «Объединение государственных литературно-мемориальных музеев Пензенской области»

ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет»
Педагогический институт им. В.Г.Белинского
Историко-филологический факультет
Кафедра «Литература и методика преподавания литературы»

«Личность и творчество А.И. Куприна в контексте русской культуры XX–XXI вв.»

Материалы
Всероссийской научно-практической конференции

Пенза 5 сентября 2013

Содержание

От составителей 3

Секция

А.И. Куприн – мастер художественной прозы

Гагаев А.А., Гагаев П.А. Куприн. Песнь отдохновению души человеческой. 4

Горланов Г.Е. Наследие А.И. Куприна и современный литературный процесс. 11

Гришина А.Б. Христианские мотивы в творчестве А.И. Куприна. 17

Дроздова Н.Г., Еремина Д. И. Интерпретация образа Шурочки Николаевой с позиций «боваризма». 21

Желтова Н.Ю. Жанр любовного рассказа в прозе А.И. Куприна («Сентиментальный роман» и «Гранатовый браслет»). 26

Зуева Г.С. Портретные характеристики в прозе А.И. Куприна. 38

Ключарева И.С. Образы детей в рассказах А.И. Куприна. 41

Корякина О.В. Мистические сюжеты в «Полесском цикле» А.И. Куприна. 45

Леонов Б.А. А.И.Куприн в воспоминаниях современников. 50

Мещерякова Л.А. Рассказ А.И.Куприна «Тень Наполеона» в свете западноевропейской и русской традиций. 53

Перепёлкина Л.П. Использование новых образовательных технологий в процессе изучения произведений А.И. Куприна на уроках литературы в средних классах. 57

Пранцова Г.В. Изучение рождественских рассказов А.И. Куприна на занятиях элективного курса. 60

Смирнов В.П. Заметки о художественном мире А.И. Куприна. 64

Сухов А.В.Идейно-композиционная роль музыкальных инструментов в раскрытии характеров героев рассказов А.И.Куприна 68

А.И. Куприна «Гамбринус» и «Скрипка Паганини». 72

Сухов В.А. Куприн и Есенин (Творческие параллели). 76

Ташлыков С.А. Английская тема в творчестве А.И. Куприна.

Тимакова А.А. Преломление традиций нравоописания в «Киевских типах» А.И. Куприна. 85

Христолюбова О.В. «Волны моря и любви…» 88

Мещерякова Л.А., кандидат филологических наук, доцент кафедры «Литература и методика преподавания литературы» (Педагогический институт им. В.Г. Белинского Пензенского государственного университета)

Рассказ А.И.Куприна «Тень Наполеона» в свете западноевропейской и русской традиций

Пал навсегда кумир умов.
Он был как все земные боги:
Из бронзы – лоб, из глины – ноги…
Д.Г.Н.Байрон «Ода к Наполеону Бонапарту»

Тема Наполеона Бонапарта в эмигрантских кругах конца 20-х годов двадцатого столетия, к которым в свой парижский период был близок А.И.Куприн, заметным образом измельчала. Как явствует из косвенных свидетельств Н. Берберовой, эта тема «съежилась» до пасьянса «Могила Наполеона» и двусмысленных сравнений с Керенским [1]. Между тем, по свидетельству другого современника и соотечественника Куприна, Н.А. Котляревского, *«беспристрастного суда над собой Наполеон пока еще не дождался: и в наши дни – сто лет спустя после его кончины – страсти вторгаются в наши суждения о нем и его времени»*. Но *«судить Наполеона,* - как заметил он далее, - *мы не призваны. Для нас в данном случае имеет исключительное значение лишь то общее впечатление, какое его личность должна была произвести и произвела»* [2] на европейских писателей и поэтов.

Диапазон нашего интереса к произведенному личностью Наполеона «впечатлению» на западноевропейских и русских писателей будет располагаться между двух «теней»: полным почти сыновнего чувства, взволнованным обращением В. Гюго к тени Наполеона Iв «Песнях сумерек» (1832) и сказкой-притчей Джорджа Оруэлла «Скотный двор» (1945). Без преувеличения можно назвать Наполеона единственным историческим персонажем, в равной мере интересным для русской и западноевропейской литературы, обеспечивающим генетическое родство Гюго и Пушкина, Достоевского и Стендаля, Шатобриана и Лермонтова, Толстого и Гейне, Куприна и Оруэлла.

В эпически приподнятых стихах В. Гюго выразились настроения восторженных поклонников Наполеона, свято хранящих память о поверженном кумире: «*Спи! Мы найдем тебя в твоем гнезде орлином!../ О жребии твоем еще в слезах наш круг…»* И подобные

[1] Берберова Н. Автобиография. - М.: Согласие, 1996. С. 49, 447

[2] Котляревский Н.А. Девятнадцатый век: Отражение его основных мыслей и настроений в словесном художественном творчестве на Западе.- М.: Издательство ЛКИ, 2010. С. 94

чувства испытывали*«не только его соотечественники, которых он избаловал военной славой, но и покоряемые им народы, которые шли за его знаменами загипнотизированные обаянием его могущества. Чувствовали это и многие чуткие люди – многие мыслители и поэты, которые метали против деспотизма громы и молнии, а говоря о нем идеализировали его облик, внесли свою долю в установление того культа его имени и его личности, который в особенности после его смерти во всех странах имел столько сторонников»*. Увлечен Наполеоном был Генрих Гейне, несмотря на беды, которые французская армия принесла его народу. В широко известной балладе «Гренадеры» (1816) говорится о том, как немецкие солдаты, возвращающиеся на родину, более всего опечалены тем, что *« император в плену»*. И нет для них большего счастья, как только вера в его освобождение. «*Знамена победно шумят…/ Тут выйдет к тебе, император,/ Из гроба твой верный солдат!»*

Что же касается одного из героев Куприна из рассказа «Тень Наполеона» (1928), которому пришлось заниматься поисками «тени Наполеона» в России, то весь его «оптимизм» и «усердие» по этому поводу выразятполные авторской иронии заключительные строки рассказа: *«Ну уж если эти петербургские господа вздумают к трехсотлетию дома Романовых откапывать современников, то, слуга покорный, - отказываюсь! Подаю в отставку! Да-с!»*

Ироническая и даже резко сатирическая традиция изображения Наполеона в русской культуре рождается одновременно с началом наполеоновского нашествия в Россию. Сначала в частной переписке, а позднее и в литературных произведениях родятся нелицеприятные для французов характеристики: *«проклятые французишки», «негодяи», «чудовища», «голодная, но отчаянная сволочь», «завоеватели-разбойники», «свиньи-французы», «кровожадный враг», «шайка варваров», «беспардонные», «изверги»* и др. А Наполеон станет именоваться *«стоглавым чудовищем», «злодеем», «кровопийцем», «супостатом», «Соловьем-разбойником», «крокодилом»* [3]. Последний образ появится, к примеру, в стихотворениях Г.Р.Державина «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из отечества» (1812) (*«Бегут все смертные смятенны/ От князя тьмы и крокодильих стад»)* и А.Ф. Воейкова «К отечеству» (1812) *(«Нет, матерь! Не твоей утробою рожден/ Сей лютый крокодил»).*

Зачинателем западноевропейской сатирической традиции в изображении Наполеона считается Д.Г.Н. Байрон, написавший в стихотворении «Ода к Наполеону Бонапарту»: « *И горько, если смех презренья/ Казнит любимца поколенья»*. У Байрона, как и у многих его современников, отношение к Наполеону было двойственное. Признавая за ним талант

[3] К чести России. Из частной переписки 1812 года/ Сост., авт. предисл. и примеч. М.Бойцов. – М.: Современник, 1988.

полководца, крупного политического деятеля, Байрон в то же время видел в нем человека, отрешившегося от идеалов французской революции во имя личного могущества и славы.

Рассказ Куприна «Тень Наполеона», как известно, не является плодом исключительно писательской фантазии. Комичность изображаемой им ситуации в том, что действительно в 1912 году, в год столетия Отечественной войны, чей-то *«быстрый государственный ум подал внезапную мысль: собрать на бородинской позиции возможно большее количество ветеранов, принимавших участие в приснопамятном сражении, а также просто древних старожилов, которые имели случай видеть Наполеона»*. И что самое удивительное, в окрестностях Тобольска таковой был найден. Им оказался (или был назначен) 117-летний Павел Яковлевич Толстогузов, предполагаемый участник Бородинского сражения. В произведении содержится указание на то, что рассказ *«написан со слов подлинного и ныне еще проживающего в эмиграции бывшего губернатора Л., почти все списано с натуры, за исключением некоторых незначительных подробностей»*. Данное обстоятельство делает произведение не только и не столько фактом литературного наследия Куприна, сколько выражением сформировавшейся в России за столетие традиции изображения Наполеона. Отсюда многие совпадения в способах подачи этого образа, например: *«серенький сюртучишко»* и *«шляпа о трех углах»* (Куприн «Тень Наполеона»), «*треугольная шляпа и серый сюртук»* (Л. Рубинштейн «Дорога победы») и т.д.

Но если подобные детали портрета являются историческим фактом, то другая характеристика Наполеона, данная Куприным, может восходить как к фольклору, так и к произведениям русской литературы, ориентирующимся на устное народное творчество: *«…ростом вот с эту березу, а в плечах сажень с лишком, а бородища – по самые колени и страх какая густая, а в руках у него был топор огромнейший. Как он этим топором махнет, так, братцы, у десяти человек головы с плеч долой! Вот он какой был! Одно слово – ампиратырь!»* Через сто лет у народа, победившего Наполеона, уже не осталось другой памяти о французском полководце: его имя, его образ преданы забвению. Поэтому так нелепы и комичны попытки властей воскресить ее хотя бы в сознании древнего старика, доживающего свой век в Сморгони, где Наполеон когда-то «пробыл несколько дней».Подобный принцип изображения Наполеона встречаем также у М.Ю. Лермонтова в стихотворении «Два великана» (1832), написанном также по случаю очередной годовщины победы в Отечественной войне, где он в сказочно-аллегорической форме изобразил битву Бонапарта, *«трехнедельного удальца»*, слава о котором гремела *«за горами, за долами»*, с *«русским великаном»*- Россией: «*Но улыбкой роковою / Русский витязь отвечал:/Посмотрел – тряхнул главою…/ Ахнул дерзкий – и упал!..»*

Сам Наполеон не присутствует в купринском повествовании, лишь его тень скользит по

лицам героев, выявляя особенности национального характера и отношение к поверженному европейскому кумиру. Умный, ироничный и трезвомыслящий губернатор. Генерал Ренненкампф, *«знаменитый курляндский вождь исторического рейда во время японской кампании»*. Исправник Каракаци, *«для которого, кажется, не существовало ничего невозможного»* и который мог быть потомком бравых партизан Отечественной войны 1812 года, показывающих чудеса героизма, находчивости и изобретательности. Все они относятся к распоряжению правительства по празднованию годовщины победы с изрядной долей скептицизма и иронии, как к «бутафории», потому что*«проект этот был, во всяком случае, не хуже и не лучше такого, например, как завести ананасные плантации в Костромской губернии»*.

Многие современники Куприна, знавшие писателя в заграничный период его жизни, подчеркивали, что *«был он самым русским из всех писателей»* (Н.Рощин «Мой Куприн»). Подобный вывод напрашивается, например, при сравнении «Тени Наполеона» Куприна с рассказом «Снег» (1932) другого писателя русского зарубежья – И.С. Лукаша. Этих писателей многое объединяло: они жили и работали в Париже почти в одно время, печатались в одних и тех же изданиях (газетах «Возрождение», «Новая русская жизнь», журнале «Иллюстрированная Россия» и др.). Известны восторженные отзывы Лукаша о творчестве Куприна. Между тем в способах подачи писателями личности Наполеона существуют принципиальные отличия. Лукаш бесконечно далек от русской сатирической традиции. Наполеон в московский период его военной кампании изображен им весьма драматично, если не сказать «сочувственно»: одиночество, раздражение, оцепенение, тяжелые размышления.*«…вот все, что осталось от великой армии, и от живых людей, и от героического безумия, и от героической красоты, которые озарили было, как полдневные молнии, всю землю. Все человеческое и героическое исчезло в стуже и в снеге»*. Здесь Лукаш ближе к Гейне, Гюго, Шатобриану, Шелли, другим представителям западноевропейской романтической школы. Как ни сильна была купринская ирония в адрес готовых на любую бессмыслицу российских сановников, его патриотическое чувство не позволило бы ему назвать Россию «*страной вечного отчаяния, страной бессмысленного прозябания, отвратительного рабства, покорной тупости*», а ее народ, победивший в войне, *«неуклюжим»*, *«некрасивым»*, которому *«стужа навсегда сковала мысль»*, а *«лед навсегда оцепенил душу, такую же безвольную и коварную, жестокую и безмолвную, как снег»* (Лукаш «Снег»).

Значительность и логичность рассказа Куприна «Тень Наполеона» с точки зрения развития наполеоновской темы в русской литературе состоит в закономерном ее уничижении, превращении в *анекдот*. Оно к лицу народу, поборовшему не только

Наполеона с его многотысячной армией, но и самый дух «наполеонизма». (Вехами этой борьбы в русской литературе стали, как известно, произведения А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, «Война и мир» Л.Н. Толстого, «Преступление и наказание» Ф.М.Достоевского, «Сожженная Москва» Г.П. Данилевского и др.). В отличие от русской литературы, в западноевропейских традициях Наполеон будет сохранять статус зловещего образа-символа, героя антиутопий, проецируемых в том числе на российскую действительность, эпоху сталинизма. В сказке-притче «Скотный двор» Дж. Оруэлл именовал Наполеоном агрессивного кабана, получившего власть на скотном дворе. Для усиления своего могущества и подавления инакомыслия этот боров создал репрессивный аппарат в лице девяти выращенных им собак. *«Сатрапы», «диктаторы», «конквистадоры»* (выражаясь словами Куприна)всегда были и, к сожалению, будут и не только в российской истории. Но нигде мы не встретим такого трезвого, беспристрастного, умного, ироничного взгляда на отбрасываемые ими «тени», как в русской литературе.